

УДК 821.161.1-31 + 82-94 + 801.61

СПЕЦИФИКА РИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЗЫ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Е.В. Канищева

В статье представлен анализ ритмических особенностей прозы М. Цветаевой, основанный на методике поуровневого анализа текста. Ритмообразующие элементы выявлены на уровне композиционной, синтаксической, лексической, фонетической организации, а также в появлении в прозаическом произведении стиховых и визуально-графических элементов.

Ключевые слова: ритм прозы; проза М. Цветаевой; композиционный ритм; синтаксический ритм; лексический ритм; ритм фонетического уровня; стиховая экспансия в прозу; визуальные элементы в прозе.

Прозаические произведения М. Цветаевой, как и стихотворные тексты поэта, отличаются неповторимой поэтической манерой, специфической, узнаваемой «цветаевской» интонацией, формированию которой способствует ритмическая организация текстов. Это позволяет говорить о синкретизме творческого мышления поэта, многогранного, способного органично совмещать две формы художественной речи.

Первые прозаические произведения Марины Цветаевой выросли из дневниковых записей, которые она вела в Москве в годы революции и гражданской войны. Именно дневниковые заметки стали первыми попытками в прозе, т. к. способ их создания наиболее близок поэту, сродни написанию стихотворения – запечатление сиюминутных чувств, переживаний.

Прозаическое наследие М. Цветаевой обширно: его составляют воспоминания о современниках, статьи, эссе, дневниковые записи, автобиографические заметки. Но художественные особенности прозы поэта не укладываются в традиционное представление о названных жанрах. Каждое прозаическое произведение М. Цветаевой отличается специфическим способом организации художественного материала. И дневниковые записи, и воспоминания о современниках, и эссе являются глубоко биографичными, лиричными. Прозаический текст поэта выполняет функции лирического произведения – глубокий самоанализ, описание состояний души, впечатлений от некоторых событий, встреч, писем и т.д.

Проза М. Цветаевой, по свидетельству самого поэта и исследователей ее творчества, является продолжением поэзии, единым художественным материалом, отражающим авторскую личность.

Ход прозаического произведения поэта – это ход размышлений, процесс рождения мысли. И.В. Кудрова замечает: «Цветаева постоянно оставляет нам черновик своих размышлений. Она дает сам процесс осмысления, заставляет пройти вместе с ней все его этапы. В результате зафиксирован путь и ритм мысли, открывающей за каждым поворотом новые дали, обнаженное рождение слова, смысла, осознания» [1].

Данные особенности прозы поэта позволяют воспринимать эссе, статьи, воспоминания о современниках как художественный материал, отличающийся особой ритмической структурой.

При возрастающем интересе к явлению ритма художественной прозы в современной науке очевидно мало работ, посвященных ритмической организации прозы М. Цветаевой. Изучению ритма прозаических текстов поэта посвящена статья Ю.Б. Орлицкого «Об особенностях ритма цветаевской прозы», в которой автор анализирует особенности стиховой экспансии на примере эссе «Световой ливень» [2].

В современной науке сложилось несколько основных концепций ритма художественной прозы, наиболее известными являются теории Б.В. Томашевского, В.М. Жирмунского, М.М. Гиршмана, С.И. Кормилова, Ю.Б. Орлицкого.

В исследовании ритма прозы М. Цветаевой мы опираемся на методику, предложенную Т.Ф. Семьян, которая рассматривает ритм как «периодическое повторение соизмеримых единиц на всех структурных уровнях текста» [3]: композиционном, синтаксическом, лексическом, фонетическом. Также мы предлагаем изучить формирование ритма прозы в появлении стиховых и визуальных элементов.

Композиционная структура прозы М. Цветаевой характеризуется сложностью ассоциативной связи между частями и главами текста, отсутствием вступлений, быстрой сменой событийного плана, фрагментарностью повествования. Основной композиционный прием в прозе поэта – монтаж, отражающий сложность действий, переживаний, событий, а не фиксирующий их несвязанность.

Некоторые исследователи ритмической организации прозы относят монтажный, ассоциативный композиционный принцип построения текста к приемам кинематографа и рассматривают его использование в «прозе поэта» как один из вариантов синтеза искусств [4].

Прием монтажа в прозаических произведениях М. Цветаевой реализуется в оформлении диалога в одну строку или отдельных сцен в традициях драматических жанров. Поэт часто прибегает к внешним признакам драматического текста в оформлении некоторых сцен и диалогов:

«Вчера сижу у Евгения Багратионовича и веду шутя следующий диалог с бабой:

Баба: – Красавица, кому папиросы набиваешь? Муженьку?

Соня: – Да.

Баба: – Тот, что в белых брюках?

Соня: – Да.

Баба: – А что же ты с ним не в одной избе живешь?

Соня: – Да он меня прогнал. Говорит, больно подурнела, – а вот папиросы набивать велит – за тем и хожу только, а он другую взял» («Повесть о Сонечке» [5]).

Часто в напряженные диалоги вводятся авторские описания действий героев, их настроений, что соотносится с введением ремарок в драмах: «Прихожу. Сидит за папиным столом, не встает. – «Вы давно приехали?» – «Вчера». – «Что вам угодно?» – «Место в Музее». – «Свободных мест нет». Тогда я ему очень коротко, но четко: «Может быть, для меня найдется? Вы все-таки, Толя, подумайте». – «Подумаю, но – если что-нибудь и найдется, то не...» – «Я и не претендую» («Жених») [6].

В данном цитируемом отрывке важна ориентация на драматический текст, основанный на динамике, действии, чередование прямой речи и авторских комментариев к ним подчеркивает ритмическую структуру фрагмента.

Ритм композиционного уровня проявляется не только в чередовании каких-либо структурных блоков, но и в смене различных эмоционально заряженных фрагментов, которые акцентируются ритмическим рисунком произведения.

Специфическую ритмическую структуру прозы М. Цветаевой на синтаксическом уровне формируют инверсии, парцеллированные конструкции, прием синтаксического параллелизма, семантически емкие знаки препинания. Названные синтаксические элементы акцентируют четкий, чеканный ритм. В тех случаях, когда предложения разбиваются на части, состоящие из одного слова, формируется особая семантическая выделенность лексем: «Остальные не дойдут или не найдут. Остальные отстанут. Останутся» («Наталья Гончарова») [6].

В прозе М. Цветаевой часто появляются синтаксические конструкции, в которых новые предложения начинаются со строчной буквы. Подобный способ синтаксического оформления текста сближает предложения между собой, создает особое семантическое поле. Знаки препинания выполняют функцию ремарок, добавочных замечаний к чтению, интонированию, пониманию текста, становятся необходимыми для выражения сильных эмоций: «И вдруг – чудо! – быть не может! может, раз есть! неужели – она? как же не она – оно – теснина – ущелье!» («Наталья Гончарова») [6].

Знаки пунктуации, отделяющие предложения друг от друга, получают большую семантическую значимость, фиксируют паузу, необходимую для акцентуации прозаического ритма.

Ритм лексического уровня формируется за счет особого внимания поэта к слову, процессу его словообразования. Игра со словом имеет особое значение в творчестве М. Цветаевой, позволяет ей демонстрировать глубину семантики отдельных лексических единиц, наделять слова более емким значением.

Часто значение слова подчеркивается и усиливается дублированием однокоренного, повторяющегося слова. Такая игра этимологией не воспринимается как случайная тавтология, это сознательное повторение наделяет слова новым, более глубоким смыслом: «жалование было жалобным» («Жених») [6], «отец, в конце очень долгих концов, отстоял для музея прекрасный подлинник», «поднос поднесен» («Лавровый венок») [6]. Игра с этимологией построена на созвучии слова с лексемами, находящимися в непосредственной близости: «Так это у меня и осталось, невиданным мною видением» («Лавровый венок») [6].

Для ритмического акцентирования ключевого образа, идеи автор использует повтор определенного слова или фразы. Лексические повторы как яркая стилистическая черта прозы М. Цветаевой способны выполнять в произведениях функцию уточнения, конкретизирования мысли, сужения понятия: «Перед нами образ двух сестер, слышавших когда-то первые клятвы поэта; тенистый сад перед нами – сад его юности» («Волшебство в стихах Брюсова») [6]; «Передо мною – живой пожар. Горит все, горит – вся. Горят щеки, горят губы, горят глаза, неслыханно горят в костре рта белые зубы, горят – точно от пламени вьются! – косы...» («Повесть о Сонечке») [6].

Ритм фонетического уровня реализуется в появлении звукописи в прозаическом произведении, что позволяет создать более осязаемый, объемный, целостный образ: «...две жесткие мечты, невозможные в этой жизни, невообразимые в другой, врожденная жажда, рожденная прежде меня...» («Флорентийские ночи») [6].

Звуковые повторы обычно тесно взаимодействуют с другими изобразительными средствами – лексическими повторами, синтаксической структурой и др. Особенно акцентированной ритмическая структура оказывается во фрагментах, в которых сочетаются несколько признаков стиховой экспансии, например, звукопись и метрическая организация: «все стены исчерканы строчками» («Чердачное») [6].

Ритм прозы М. Цветаевой проявляется в том числе в появлении стиховых элементов в прозе поэта: рифмованных и метрических фрагментов, аналога строфической организации и строфического переноса.

Яркое ощущение ритма возникает при переходе от обычного повествования к метризованному, очень часто оттеняющего напряженную ситуацию, переломные моменты в развитии действия. Чередование метризованных и «прозаических» фрагментов создает осязаемое ритмическое ускорение обозначаемых событий на фоне других «размеренных».

Появление метра в прозаическом тексте экспрессивно подчеркивает то или иное ключевое слово, фразу, концептуально значимый образ: «А когда человек сказал да, а во рту – нет, то что же он сказал? Он ведь два сказал, да, мама? Он пополам сказал? Но если он в эту минуту умрет, то куда же он пойдет?» («Сказка матери») [6]. Данные вопросы в произведении задает маленький ребенок. В цитируемом отрывке метрические фрагменты несут большую семантическую нагрузку, подчеркивают проблемность поставленного вопроса, его важность для детского сознания.

Особую ритмообразующую функцию выполняют в прозе М. Цветаевой визуально-графические элементы, влияющие на особенности интонирования и формирующие специфический фоновый визуальный облик страницы текста. К визуально-графическим элементам прозаических произведений М. Цветаевой можно отнести использование пробела или графического эквивалента, различные способы шрифтовой акциденции, в том числе курсив, слоговую разбивку лексем, использование строчных и заглавных букв, не обусловленное законами русского языка, включение в текст иноязычных фрагментов и системы сносок.

Ритмическая система фрагментов, включающих визуальные элементы, построена на деавтоматизации чтения, нарушении «привычной» структуры текста. При этом происходит акцентуация эстетических, смысловых значений произведений. Фиксируя и визуально подкрепляя смену глав, сюжета, действия, времени и т. п., визуальное деление позволяет замедлять ритм текста, создавать семантически насыщенную паузу, смысловой переход от одной части текста к другой.

Появляясь одновременно в небольшом фрагменте текста, особенности всех перечисленных уровней дополняют друг друга, акцентируют своеобразие ритмической организации прозаического текста.

Ритмические особенности прозы М. Цветаевой выражают концептуальный уровень произведений. Например, прерывистый ритм создает ощущение опасности, тревожного состояния персонажа либо эмоционального комментария событий; осязаемая смена ритмического рисунка символизирует различия в мышлении и мировосприятии героев, выделяет различными ритмическими характеристиками речь персонажей, отражает процесс взросления, усложнения внутреннего мира героев; однородность ритмической структуры, интонация неторопливого медитативного рассказа отражает безразличие людей, отсутствие их эмоциональной отзывчивости.

По словам М.В. Ляпон, «проза М. Цветаевой как глобальный макроконтент, прочитываемая как единый источник, концентрирующий энергию авторского самосознания, дает исследователю материал для реконструкции универсалий авторской стилистики, стирающих границы между стихами и прозой» [7].

Проза М. Цветаевой ориентирована на передачу экспрессивного внутреннего монолога. Ритм прозы формирует уровень внутренней речи, передает особенности речемыслительной деятельности, направленной на непрерывный самоанализ, постоянное внимание к собственным психологическим процессам, к когнитивным особенностям личности. Прозаические тексты поэта фиксируют процесс мыслительной деятельности писателя, который активно проявляет себя в двух художественных регистрах – в стихах и в прозе. Данная установка реализуется в ритмическом своеобразии прозаических произведений, ярко акцентированном в динамичном чередовании описательных и повествовательных фрагментов, в проникновении стиховых элементов в текст, в подчеркнутой энергетике внутренней речи.

Библиографический список

1. Кудрова, И.В. Лирическая проза Марины Цветаевой / И.В. Кудрова // Звезда. – 1982. – № 10. – С. 172–183.
2. Орлицкий, Ю.Б. Об особенностях ритма цветаевской прозы / Ю.Б. Орлицкий // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 8–11 октября 2007 г.). – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – С. 237–251.
3. Семьян, Т.Ф. Ритм прозы В. Г. Короленко: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Ф. Семьян. – Алматы, 1997. – 26 с.
4. Целовальникова, Н.В. Ритм прозы А. Ремизова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Целовальникова. – Астрахань, 2005. – 16 с.
5. Цветаева, М.И. Сочинения: в 2 т. / М. Цветаева; [сост., подгот. текста, коммент. А. Саакянц]. – М.: Художественная литература, 1988. – Т. 2: Проза; Письма. – 639 с.
6. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / М. Цветаева; [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Книжная лавка – РТР, 1997–1998. – Т. 4, Кн. 1. – 416 с. – Т. 4, Кн. 2. – 272 с. – Т. 5, Кн. 1. – 336 с. – Т. 5, Кн. 2. – 400 с.
7. Ляпон, М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора / М.В. Ляпон. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.

[К содержанию](#)